

в симфонической личности. Но поставленные им вопросы, искренность и оригинальность его ответов, и сегодня сохраняют свою притягательность.

НИКОЛАЙ СТРАХОВ: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Снетова Н. В. (Пермь)

Философское творчество петербургского философа Николая Николаевича Страхова (1828—1896), на наш взгляд, можно отнести к такому направлению в русской философии как органицизм. В отечественном органицизме, начиная с М.Г. Павлова, возникает интерес к проблеме взаимоотношения философии и науки. Страхов продолжает традицию, заложенную Павловым.

Исходя из трактовки философии как науки, Страхов пытается разграничить предмет философии и частных, конкретных наук, определить специфику философского знания. У мыслителя отсутствует четкое определение предмета науки как таковой, тем не менее, есть ясное понимание, что её задача — постижение сущности явлений, выявление законов, по которым действует природа. В развитии науки в целом мыслитель выделяет два типа вопросов, проблем: одни — к разрешению которых наука постепенно продвигается шаг за шагом, и другие — остающиеся, по его мнению, такими же неразрешенными на протяжении всей ее истории, как и в начале. К первому типу им относятся конкретные проблемы частных наук. Ко второму роду вопросов Страхов относит мировоззренческие проблемы, которые им именуется общими вопросами. Мыслитель, во-первых, отмечает, что они отличаются по своей сложности — общие вопросы сложнее конкретно-научных. Во-вторых, особенность таких проблем, с его точки зрения, в том, что они не анализируются, то есть их невозможно разложить на частные вопросы, которые последовательно, один за другим, могут быть решены. Со Страховым можно согласиться частично. Его правота в том, что философские проблемы действительно зачастую носят более сложный характер, нежели естественнонаучные, в философии есть «вечные проблемы», которые решаются на протяжении многих веков. Однако в их решении нельзя не признать прогрессивного движения, и в это движение огромный вклад вносят частные, конкретные науки. Исследователь прав в том, что объектом философского познания являются такие формы целостности, которые в частных, опытных науках разделяются на части и познаются по частям. С его точки зрения, философию интересуют общие вопросы. Можно сказать точнее: наиболее общее, именно универсальное является предметом философского познания, а особенное — конкретно-научного. Философия и частные, опытные науки между собой необходимо связаны, так как объект общий, но изучается с разных сторон. Следует отдать должное Страхову, в том, что он в условиях господства позитивистских настроений, эмпиризма среди натуралистов уже с первых своих работ настойчиво проводит мысль о необходимости союза философии и естествознания, правда, в целом, с позиций натурфилософских.

Страхов, с одной стороны, обосновывает тезис о зависимости философии от естественных наук, а с другой (и на этом делает акцент) — доказывает зависимость этих наук от философии. При этом мыслитель обращает внимание на реальный момент во взаимоотношении философской науки и конкретно-научного знания: конкретная наука всегда как на готовые опирается на те или иные философские основания. Кроме того, отечественный методолог затрагивает следующую проблему: не всегда легко определить являются ли вопросы, проблемы, законы, принципы философскими или конкретно-научными, ибо в каждой науке существуют собственные (кроме философских) теоретические основания и общетеоретические проблемы. Страхов фактически *ставит сложную методологическую проблему разграничения философских и конкретно-научных вопросов*, что можно поставить в заслугу отечественному философу.

На наш взгляд, можно утверждать, что в работах Страхова по методологии научного познания имеется принижение естествознания. Он не отрицает эмпирические науки, но рассматривает их как первый уровень научного познания. Это знание им отождествляет с естествознанием, поэтому естественные науки им называются опытными. Вслед за Гегелем Страхов принимает эмпиристский образ науки, тем более что в его время эмпиризм господствовал в естествознании.

Тем не менее, продолжая традиции, заложенные в натурфилософии Шеллинга и русских органицистов начала XIX в., отечественный методолог утверждает идею необходимости единства эмпирии и абстрактных форм познавательной деятельности. Во время господства в естествознании ползучего эм-

пиризма он предлагает *стратегическую программу* действий для натуралистов и философов: создание *единой целостной системы природы*. Заметим, что при всей утопичности идеи, свойственной натурфилософии, идея построения целостной системы природы, использованная как регулятивная, играет важную роль как в науке, так и в философии. Мыслитель верно понял, что наука и философия, учёные и философы не могут не стремиться к пониманию мироздания как целого и места человека в этом целом.

По нашему мнению, заслуга Страхова состоит, в частности, в обосновании важности методологической роли философии. Он показал, что овладение естествоиспытателями философией имеет плодотворные для науки результаты, позволяет естествознанию развиваться быстрее. Она, вооружая натуралиста методологией научного исследования, дает возможность идти в научном исследовании не вслепую, а яснее и точнее понять цель и средства исследования, правильно обобщить накопленный эмпирический материал. В этой науке также, справедливо указал Страхов, разрабатывается категориальный аппарат, которым сознательно могут пользоваться естествоиспытатели. Изучение философии, доказывал отечественный мыслитель, помогает натуралисту научиться теоретическому мышлению.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ Л.П. КАРСАВИНА В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЖАНРОВ

Стуканов Т. Н. (Новосибирск)

Очевидно, что идея синтеза жизненного и мыслительного пространства созрела в исследовательской литературе не сегодня. В истории русской философии этот мотив присутствует весьма отчётливо. Согласно Г.Г. Шпету: «Мысль философа излагается лишь постольку, поскольку она вытекает из запросов его личности и отвечает личным оправданиям жизни, мира и истории». [1] В той или иной мере, потребность в актуализации биографического плана не раз пыталась найти свой выход, реализоваться в рамках различных историко-философских исследований. Вот некоторые доминирующие историко-философские тенденции. Подход первый, предполагает максимальную автономию творческого материала от биографического. Типичным примером является история идей. Его противоположностью выступает такая концепция интеллектуальной истории, которая стремится вписать развитие мысли в определённый социокультурный контекст. Здесь преобладают редуccionистские тенденции. Например, в марксизме. И в том, и другом случае, мы имеем дело с «обезличиванием» биографии. Альтернативный вариант, на наш взгляд, присутствует в персоналогическом направлении, опирающемся на христианскую традицию. Личность здесь противопоставляется индивидуальности, как сакральный уровень бытия профанному. Для раскрытия этой тенденции был бы весьма полезен опыт русской религиозной мысли. Показательным примером здесь может быть жизнь и творчество Л.П. Карсавина. Данного мыслителя отличает особо ревностное стремление связать собственную метафизику и жизнь. Это же касается и его исследовательской работы в области средневековой религиозности. Сквозным мотивом его исследований становится тезис о превосходстве идеи синтеза над всякой исторической методологией. Основа исторического синтеза, по Карсавину, в интуитивном проникновении в личностную природу исторического материала. «Исходным моментом творчества всегда является усмотрение некоторой реальной личности». [2] Методологическая (интеллектуальная) работа, считает Карсавин, в большей степени подвержена произволу субъективного конструирования, чем подлинное творческое проникновение в материал. В литературе мы можем достигать той же необходимой степени конкретизации исторической действительности, что и в научной истории. «Исповедь» Августина, не менее научно исследует развитие личности автора, а «поэзия» и «правда» сливаются в ней воедино. История без «измышления» существовать не может, утверждает он. Но это «измышление» не есть авторский произвол, это лишь часть той необходимой работы, которую производит историк, восстанавливая целостность исторического действия по фрагментам. И в этом смысле «художественно-творческая конкретизация исторической действительности должна быть понимаема как применение символического метода» [3]. Залогом успешного усмотрения реальной личности в истории, является не обильный фактографический материал (на чём базировалась позитивистская историография), а личностная позиция самого исследователя. Её подлинная вовлеченность в материал обусловлена религиозной ангажированностью исследователя. Тезис: «история должна быть православною» [4], может быть понят не в конфессионально-апологетическом, а экзистенциально-личностном плане.